

А. С. Бабалян

Шиллер в армянской литературе

В армянскую литературу Шиллер вошел спустя четверть века после своей смерти. Первым переводчиком его произведений на армянский язык был великий просветитель армянского народа Хачатур Абовян, искренний поклонник его творчества, один из первых пропагандистов его свободолобивых идей в армянской действительности.

За годы пребывания в Дерпте Абовян ознакомился с произведениями крупнейших современных писателей и представителей античной литературы. Произведения же Шиллера он знал особенно хорошо.

Впоследствии Абовян старался передать полученные в Дерпте познания молодому поколению своей страны. В частном училище, основанном в Тифлисе, он воспитывал своих учеников на текстах как русских классиков, так и западноевропейских, уделяя особое внимание Шиллеру и Гете.

В своих дерптских дневниках Абовян по самым различным поводам упоминал Шиллера, с восхищением отзывался о его дружбе с Гете.

Но интерес Абовяна к Шиллеру не ограничивался только этим: как показывают записи в дневниках дерптского периода, он часто беседовал с друзьями о великом немецком поэте и его творчестве. Особенный интерес представляют его беседы о Шиллере со старшей сестрой дружившего с ним Бехагеля фон Адлерскрона — Еленой. Абовяна искренне удивляли суждения Елены о Шиллере. «Меня восхищает суждение Елены о философских медитациях поэта...»¹ — записал в дневнике Абовян.

Заслуживает внимания и другая запись, относящаяся к Шиллеру: «В среду попросил я у милой фрейлен Елены записную книжку отца ее, в которую некогда великий поэт Шиллер занес на прощание стихотворение. Она охотно дала мне ее (записную книжку), молвив: «И вы должны завести себе такую записную книжку...»². Познакомившись с этим стихотворением, Абовян переписал его в свой дневник, озаглавив «Стихотворение Шиллера с автографа его»³.

Сердцу великого армянского просветителя близко было не только творчество Шиллера, но и его настроения и переживания. По мотивам и на темы Шиллера Абовян написал ряд поэтических произведений (например, «Фрейлен фон Швебс за клавином», «Вечер» и др.). С большой

¹ Խ, Արո՛վյան, Երկերի լիակատար ժողովածու (X. А б о в я н, Полное собрание сочинений), Ереван, т. VI, стр. 189.

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 190—191.

любовью Абовян перевел стихотворение Шиллера «Идеалы», его баллады «Порука» и «Рыцарь Тогенбург», причем последнюю — даже два раза: на грабар и на ашхарабар. Пытался он перевести и известную «Песнь о колоколе». В письме, адресованном одной из дерптских приятельниц, Абовян прямо писал, что никто из европейских писателей не оказал на него столь сильного воздействия, как Шиллер. «Ни один иностранный писатель не смог меня так пленить с самого же начала, никто не оказывал такого устойчивого, неизгладимого влияния на меня, как Шиллер. И если есть кто-либо, кому суждено в дальнейшей моей жизни быть оплотом моей души и моим наставником — это будет только возвышенный дух его!» (Шиллера — А. Б.)⁴.

Большое впечатление произвела на Абовяна баллада Шиллера «Порука». Затронутые в этой балладе мотивы — борьба с тиранией и, в особенности, верность в любви и дружбе — всегда были близки сердцу Абовяна. Он с жаром принимается за перевод ее, но на четырнадцатой строке он останавливается, по-видимому, изменив свое решение. И действительно, в недавно обнаруженном, сравнительно лучше сохранившемся экземпляре рукописи «Нахашавиг» («Предтрэпис») имеется поэтическое произведение, озаглавленное «Любовь, дружба», которое всецело перекликается с указанной балладой Шиллера⁵. Сходство между этими двумя произведениями настолько очевидно, что даже высказывались мнения о том, что стихотворение Абовяна является переложением шиллеровской баллады...

Однако мы полагаем, что Абовян использовал только сюжетную основу и главную идею шиллеровской баллады — перерождение тирана — и произведение является оригинальным, самостоятельным творением. Действие в нем целиком перенесено на армянскую почву, а тема — судьба изнывающего под игом иноземных захватчиков армянского народа, освободителем которого выступает любимый герой Абовяна Ага с и.

Таким образом, имя Шиллера вошло в новую армянскую литературу с первых же дней становления ее. Великий просветитель армянского народа не только был переводчиком Шиллера, его идейным единомышленником и соратником, пропагандистом проповедуемых им принципов, но в первый период своей деятельности сам до некоторой степени испытал на себе благотворное влияние великого немецкого поэта.

Произведения Шиллера сыграли значительную роль и в деле развития армянского театра — его драматические произведения воодушевляли армянских драматургов, а его теоретические положения в дни становления армянского профессионального театра способствовали определению роли и значения театра в нашей жизни.

Известно, что именно шиллеровская пьеса «Коварство и любовь» воодушевила Габриэла Сундукяна и способствовала развитию у будущего

⁴ «Գրական թերթ» («Гракан терт»), Ереван, 1958, № 31.

⁵ Խ. Արսիշան, Երկերի լիակատար ժողովածու (Х. Абовян, Полное собрание сочинений), т. VII, стр. 418—419.

драматурга интереса к театру. Произведения Шиллера в дальнейшем служили источником вдохновения для самобытных, отмеченных ярким национальным и бытовым колоритом драматических произведений Сундукяна-реалиста.

Степанос Назарян в первом номере «Юсисапайла» за 1859 год опубликовал статью под заглавием: «Заметки о том, какое нравственное значение имеет национальный театр». Это совпало, по-видимому, не случайно, с первым спектаклем армянского театра в Москве. В дальнейшем исследованиями было показано, что эта статья Назаряна была переводом статьи Шиллера «Театр как моральное учреждение».

Своим переводом этого известного труда Шиллера о роли и значении театра редактор «Юсисапайла» стремился пропагандировать среди соотечественников идею создания национального театра, теоретически обосновать его воспитательную роль.

Помимо этой статьи, Ст. Назаряном были опубликованы в «Юсисапайле» различные материалы о Шиллере и Гете, статьи об отдельных произведениях великих немецких поэтов. Назарян прилагал всевозможные старания, чтобы произведения Шиллера с их прогрессивными идеями стали достоянием армянских читателей, армянской молодежи. Он перевел и опубликовал на страницах журнала «Юсисапайл» такие драматические произведения Шиллера, как «Мессинская невеста» и «Турандот». В этом же журнале увидели свет стихотворения Шиллера как в переводе самого Ст. Назаряна, так и других армянских поэтов.

В своих статьях Назарян развивал идеи Шиллера, цитировал его произведения, ссылаясь на его высказывания. Вместе с тем необходимо отметить, что в Шиллере привлекали Назаряна не его революционные идеи, а утверждение, что преобразовать общество можно и должно нравственным путем. Иначе говоря, для него особенно значительным был второй период его творческой деятельности, когда, как известно, Шиллер частично поступил своими революционными взглядами и видел спасение общества в эстетическом и нравственном воспитании человека.

Как известно, русские революционные демократы, а также выдающийся армянский революционер-демократ Микаэл Налбандян высоко ценили Шиллера. Микаэл Налбандян часто упоминал имя Шиллера в своих произведениях, именовав его глашатаем свободы, светилом искусства и литературы, бессмертным защитником прав угнетенного человечества.

М. Налбандян не только любил Шиллера и разделял проповедуемые им свободолобивые идеи, но в своих «Дневниках» часто приводил отдельные его суждения и метафоры⁶.

Микаэл Налбандян не преминул откликнуться и на столетие со дня рождения Шиллера: он поместил два письма (статьи) в «Юсисапайле» (подписанные псевдонимами)⁷, в которых с большой теплотой и уважением говорится о великом немецком поэте.

⁶ «Գյուտմա-բանասիրական հանդես» («Историко-филологический журнал»), Ереван, 1958, № 3, стр. 176.

⁷ «Էյսիսափայլ» («Юсисапайл»), 1959, № 11, стр. 902—906.

Страстный поклонник свободы и поборник революционного переустройства общества, Микаэл Налбандян видел величие писателя в его свободолюбивых идеях. Точно так же подходил он к Беранже и Гейне, аналогичным было и отношение к Шиллеру. В отличие от Ст. Назаряна, именно Шиллера-борца за свободу высоко ценил Налбандян: воинствующего Шиллера, автора «Разбойников» и «Вильгельма Телля».

Но не только перечисленные армянские писатели увлекались Шиллером: горячую симпатию Хачатура Абовяна к великому поэту немецкого народа унаследовали, помимо Назаряна, и другие учившиеся в Дерпте армянские литераторы — Ваан Аскарян, Керопэ и Рафаэл Патканяны, Геворк Бархударян и многие их товарищи, которые увлекались романтическим направлением в немецкой литературе и, в частности, Шиллером. Надо отдать справедливость, что в 40—50 гг. прошлого столетия Шиллеру поклонялась вся передовая Россия, и армянские писатели того времени не составляли исключения. Да и впоследствии многие армянские писатели в большей или меньшей степени испытывали на себе влияние Шиллера, с увлечением читали и охотно переводили его, приводили цитаты из его произведений в своих сочинениях.

Рафаэл Патканян в своих мемуарах о М. Эмине говорит о том, каким авторитетом был для него Шиллер, с каким увлечением читал он его прозаические и поэтические произведения, внимательно изучал «манеру его письма»⁸.

С увлечением читал произведения Шиллера Раффи, он не раз цитировал немецкого поэта. В первом томе сборника «Пундж» («Букет») в стихотворении «Где твоя родина?» Раффи писал об армянине-скитальце, который обрел настоящий покой только в родной стране. Эпиграфом к этому стихотворению Раффи избрал следующие строки из «Вильгельма Телля»:

Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих таится...⁹

Для того чтобы обосновать свое утверждение, что писатель может позволить себе некоторую свободу в обращении с историческими фактами, Раффи ссылается на пример Шиллера, у которого образ Дон-Карлоса отступает от своего исторического прототипа.

Доказательством того, как близки были произведения Шиллера Раффи, может служить тот факт, что армянский романист начал переводить Шиллера на родной язык. В ранний период своей литературной деятельности он в вольном изложении перевел на грабар одну из баллад Шиллера («Хожение на железный завод»), которую назвал по имени героя — «Фридолин».

⁸ Ռ. Պատկանյան, *Երկեր* (Р. Патканян, Сочинения). Айпетрат, Ереван, 1955, стр. 689.

⁹ Ф. Шиллер, Избранные произведения, т. II, М., 1959, стр. 492.

Свободолюбивые идеи Шиллера нашли свое отражение и в творчестве Раффи, в частности, в романе «Джалаледдин»: в суждениях героя Раффи и Карла Моора есть нечто общее, но уподоблять Сархата Карлу Моору, как это делали некоторые исследователи¹⁰, нет оснований.

Патриотические идеи великого немецкого поэта оказали некоторое воздействие и на творчество Церенца. Это особенно заметно в его историческом романе «Муки IX века». Егинэ у Церенца, подобно шиллеровской Елизавете, охвачена возвышенным чувством любви к родине. Она готова пожертвовать своей страстной любовью к Гургену Арцруни во имя преданности интересам родного народа и отчизны точно так же, как Елизавета жертвует своим чувством к Дон-Карлосу.

По словам Нар-Доса, он «с величайшим наслаждением» читал и перечитывал Шиллера, вдохновлялся созданными им героическими образами. В письме, посланном критику Минасу Берберяну (1895 г.), говоря о стоящих перед литературой задачах, Нар-Дос подчеркивает, что литература не должна быть только «зеркалом жизни», ей предназначена более высокая миссия — *быть школой жизни*; литература не должна довольствоваться лишь *показом жизни такой, как она есть*, а должна показывать и то, чего в ней нет и что было бы желательным видеть. В связи с этим Нар-Дос пишет: «Читая историю всего рода Ругон-Маккаров, я чувствую себя больным и духовно, и телесно, столь тяжело больным, что само существование мое начинает казаться мне наказанием... В то же время никогда я не чувствую себя таким здоровым, никогда чувства мои не бывают такими утонченными и, одновременно с этим, никогда не ощущаю я горения такого священного огня в душе моей, как во время чтения пламенных слов маркиза Поза, обращенных к королю Филиппу, при виде его самопожертвования ради Дон-Карлоса. Склонившись над бездыханным телом маркиза Поза, король Филипп восклицает: «Верните мне этого человека!» А я, обращаясь ко всем этим Золя, восклицаю: «Дайте мне маркизов Поза! К чему мне эти ваши Жаки и Нана, если я и сам чувствую себя и Жаком, и Нана?!»»¹¹

Ов. Иоаннисиан, Ал. Цатурян, Ов. Туманян, Лео, Левон Манвелян и многие другие армянские писатели также вдохновлялись пропагандируемыми Шиллером идеалами, созданными им героическими образами, высоко ценили его поэзию и переводили его произведения.

Надо ли говорить о том, что несомненное влияние Шиллера имело место и у передовых западноармянских писателей. Вспомним хотя бы Петроса Дуряна, который восхищался драматургией Шиллера: мотивы драмы «Коварство и любовь» мы встречаем в драматическом произведении Дуряна «Театр, или отверженные». Говоря о прогрессивной роли западноевропейского театра, Дурян утверждал, что в течение последних

¹⁰ Ս. Մանուկյան, Բաբուրյան «Զալալեդին» գեղարվեստը (С. Манукян, Творческая история романа Раффи «Джалаледдин»), Ереван, 1932, стр. 54.

¹¹ Նար-Դոս, Երկերի լիակատար ժողովածու (Нар-Дос, Полное собрание сочинений), Ереван, 1950, т. 7, стр. 325.

столетий театры были как бы домами революции, что их считали как бы школой для народа. Сам же Дурян давал театру свое определение — он находил, что театры — это вулканы, извергающие революцию. «Невозможно не восхищаться, — писал он, — читая драматургию Шекспира, Шиллера, Гюго и Дюма! Я боготворю этих гениев, этих сверкающих молниеносным огнем сынов народных»¹².

Исключительно горячий интерес проявляли к произведениям Шиллера выдающиеся деятели большевистской партии Шаумян, Спандарян, пролетарский поэт Акоп Акопян, критики-большевики А. Мравян, А. Каринян и другие. В Шиллере они видели прежде всего писателя, вставшего на борьбу с абсолютизмом, деспотическими установлениями и произволом тиранов.

Шаумян писал о Шиллере как об одном из гениев мировой литературы. Спандарян высоко ценил свободолюбивый дух, которым проникнуто творчество Шиллера. В 1910 году в рецензии на постановку драмы «Коварство и любовь» Спандарян писал: «Какое глубокое понимание человеческого сердца, какая сила изображения страстей, какая потрясающая картина столкновения двух миров, двух противоположных мировоззрений — отживающего свой век под ударами великой французской революции «старого режима» и почувствовавшего свою силу городского бюргерства мещанства»¹³.

Критик-марксист особенно подчеркивал гуманизм Шиллера, его свободолюбивые идеи, его гневный протест против социальной несправедливости.

Аналогичную оценку творчеству Шиллера давал А. Каринян. В том же 1910 году он напечатал в газете «Мшак» («Труженик») статью, озаглавленную «Критика художественной литературы у нас». Рассматривая ряд проблем, связанных с литературой и литературной критикой, автор затрагивает вопрос и о литературном наследии Шекспира, Шиллера и других «гигантов поэзии и прозы». Исходя в оценке этого наследия из ленинского принципа партийности литературы, автор пишет: «В их произведениях вы видите саму жизнь со всеми ее противоречиями, и эта картина зачастую заставляет вас задуматься глубже, чем могли бы это сделать слова глубокомысленного философа о человеческих страданиях, или взволнованные речи пламенного оратора об общественных пороках...»¹⁴.

Армянская передовая общественная мысль XIX века придавала исключительное значение произведениям Шиллера. Армянская печать стремилась познакомить армянских читателей с его произведениями и высказанными в них свободолюбивыми идеями.

Если не считать Хачатура Абовяна, который первым выступил с оценкой творчества и деятельности Шиллера, но оценка которого стала изве-

¹² Պետրոս Դուրյան, *Բանաստեղծություններ* (Петрос Дурян, Стихи). Ереван, 1947, стр. 361.

¹³ С. Спандарян, Статьи, письма, документы, Ереван, 1940, стр. 222.

¹⁴ «Մշակ» («Мшак»), Тифлис, 1910, № 154.

стна общественности много позднее—уже в наши дни,—то можно сказать, что в армянской печати первое упоминание о Шиллере и его произведениях принадлежит перу Саркиса Тиграняна: в 1834 году в Москве увидел свет его перевод драмы Расина «Гофолия» с предисловием, представляющим большую ценность для теории литературы и искусства.

И после этого в армянской действительности писатели, критики и публицисты постоянно высказывались о Шиллере, широко освещая его творчество, в прессе печатались многочисленные переводы его произведений.

В 1851 году в журнале «Базмавеп» были опубликованы биография Шиллера и портрет поэта. Портрет печатался впервые в армянской периодике¹⁵. Излагая биографию «именитого писателя», автор статьи одновременно рассказывал о творческом пути Шиллера. Особенно высокую оценку получили драматические произведения Шиллера, и среди них драма «Разбойники». К сожалению, нам так и не удалось выяснить, кто был автором этой статьи, так же, как остается неизвестным автор и другой статьи о Шиллере, появившейся на два года раньше (в 1848 году)¹⁶. Мы можем лишь высказать предположение, что обе они принадлежали перу прославленного Гевонда Алишана.

Начиная с 60-х гг. прошлого столетия, с развитием национально-освободительного движения, с распространением просветительских и гуманистических идей, ростом революционной демократии в армянской периодической печати все чаще и чаще упоминается имя Шиллера, все чаще обращаются к произведениям великого немецкого поэта. Вместе с тем быстро растет и число переводов произведений Шиллера на армянский язык. Семидесятые годы были ознаменованы постановкой пьес гениального драматурга на армянской сцене.

Вокруг оценки литературного наследия Шиллера в армянской печати имела место оживленная полемика. Если одни видели в Шиллере прежде всего автора «Разбойников» и «Коварства и любви», то другие выше всего ценили в нем писателя, создавшего «Дон-Карлоса» и «Мессинскую невесту». А люди, провозглашавшие Шиллера непревзойденным поэтом, считали совершенно неприемлемыми его прогрессивные взгляды.

Главный сотрудник периодического издания «Мегу Айастан» («Пчела Армении») Айкуни опубликовал в 1884 году ряд статей под общим заголовком: «Шиллер, его жизнь и произведения и значение этих произведений для армянской литературы»¹⁷. В литературной жизни прошлого столетия Айкуни пользовался печальной славой реакционера. Цикл упомянутых статей был проникнут теми же консервативными взглядами. В этих статьях о жизни и творчестве великого немецкого поэта не было и намека на свобододолюбивый дух Шиллера, не было упоминаний

¹⁵ «Բազմավեպ» («Базмавеп»), Венеция, 1851, № 1, стр. 9—12.

¹⁶ Там же, 1849, № 12, стр. 181—183.

¹⁷ «Արեւիկա Հայաստանի» («Мегу Айастан»), Тифлис, 1884, № 41—48 и 50. 52, 53, 55.

о том, что поэт был непримиримым врагом тирании и феодального строя, о его борьбе за освобождение человечества.

Однако попытки использовать и по-своему истолковать творчество Шиллера со стороны консервативно настроенных критиков были единичными в армянской печати. Шиллер принадлежал к числу тех писателей и мыслителей мира, которые в неприкосновенности доходили до армянского читателя, его больше всего переводили на армянский язык, больше всего упоминали о нем в армянской литературе и, наконец, именно свободолюбивые идеи Шиллера получили наибольшее распространение и пользовались наибольшей популярностью в армянской действительности. Даже Гете был менее популярен в армянской литературе и армянской общественной жизни, нежели Шиллер, не говоря уже о других представителях немецкой классической литературы.

Но что же так привлекало армян в немецком поэте, в чем заключалась причина обаяния Шиллера? Любовь к Шиллеру была обусловлена мятежным, свободолюбивым характером его творчества. Протест Шиллера против деспотов, идеи освобождения народа совпадали с национально-освободительной борьбой армянского народа с турецкой тиранией.

Пронизанные страстной любовью к свободе, произведения Шиллера, и в особенности его драмы, — «Вильгельм Телль», «Орлеанская дева», «Разбойники» имели большое воспитательное значение для многих поколений. Заложенные в них идеи получали еще большее значение и большее распространение именно в те исторические моменты, когда возникла необходимость воодушевить широкие народные массы патриотическими чувствами.

В 1873 году в Тифлисе и в 1874 году в Константинополе вышли в свет в переводе на армянский язык два издания «Вильгельма Телля». Чтение этого замечательного произведения пробуждало патриотические чувства у армян, проживавших в самых различных местах. Освободительные и патриотические идеи «Вильгельма Телля» активно пропагандировались в печати. Особенно широко пропагандировались идеи Шиллера в конце 70 и в 80—90-х годах прошлого столетия. Остановимся лишь на одном примере: в 1895—1896 гг. турецкое правительство организовало погромы и резню армянского населения в Западной Армении. Армянская печать Восточной Армении немедленно отозвалась на эти события, и на ее страницах стали печататься статьи, высказывания, отрывки из произведений, прославляющие величие подвига во имя освобождения родины. Особенно часто фигурировал Шиллер — по большей части приводились отрывки из «Вильгельма Телля», обычно даже без указания источника. Например, в тифлисской газете «Ардзаганк» были помещены следующие отрывки:

Про час беды орудие защиты
Созданиям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам мощными рогами,
Охотника свергает в бездну серна,
И даже вол, работник безответный,

Который силу страшную свою
Покорно под ярмом смиряет тяжким,
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.
(«Вильгельм Телль», I, 4).

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко поправны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно вызывает угнетенный.

Там подтверждение прав находит он,
Что, неотъемлемы и нерушимы,
Как звезды, человечеству сияют.
Вернется вновь та давняя пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
(«Вильгельм Телль», II, 2)¹⁸.

Надо сказать, что эти отрывки из «Вильгельма Телля» как, впрочем, и другие фрагменты драмы, не раз по самым различным поводам появлялись на страницах нашей периодической печати, включались в учебники и даже в тексты календарей.

Разве не знаменательно, что немецкая писательница Ильзе Фрапан, бывшая убежденной защитницей прав армянского народа перед лицом европейской общественности, в одном из выступлений также обратилась к «Вильгельму Теллю» Шиллера.

«...И все же народ наш некогда вдохновлялся великими идеями освобождения человека, и именно немцем был тот поэт, который заставил звучать возвышенную песню свободы, который пламенно воспел подвиг Вильгельма Телля, понятный для всех народов и для всех будущих времен!» — сказала Ильзе Фрапан. Гертруду — жену швейцарского крестьянина Штауфахера из «Вильгельма Телля» она сравнивала с теми героическими армянскими женщинами, которые, обнявшись, бросались в волны Евфрата, предпочитая лучше умереть, нежели попасть в руки палачей. «Здесь — Швейцария 1308 года, там — Армения наших дней... — сказала Фрапан — и все же одинаковая судьба, одинаковый образ и мысли, и действий!...»¹⁹.

Несмотря на то, что «Вильгельм Телль» был переведен и издан на армянском языке еще в 1873 году, в досоветский период на армянской сцене он не ставился: царская цензура не могла допустить, чтобы в армянском театре прозвучала эта «песня свободы». Постановка этой дра-

¹⁸ Արձադանք («Ардзаганк»), Тифлис, 1895, № 116.

¹⁹ «Ազդակ» («Азджак»), Константинополь, 1908, № 2, стр. 19—20.

мы Шиллера или безоговорочно запрещалась, или встречала бесконечные препятствия также и в театрах других народов России.

Однако несмотря на то, что драма «Вильгельм Телль» не ставилась на армянской сцене, роль ее была очень велика, поскольку и среди восточных, и среди западных армян она распространялась, опубликованная в виде отдельного издания. Для того же, чтобы приблизить драму к читателю и сделать ее более доступной и понятной широким слоям народа, многие переводчики сокращали содержание «Вильгельма Телля» и в прозаическом пересказе выпускали в свет отдельными книжками.

Передовая армянская интеллигенция сделала очень многое для пропаганды идей Шиллера, и в этом смысле популяризация содержания «Вильгельма Телля» была далеко не единичным примером: сокращенные переложения и других патриотических произведений великого немецкого писателя также выпускались на армянском языке в специальных изданиях для народного чтения. В этой области особенно велики заслуги Седрака Тараяна, изложившего содержание «Вильгельма Телля», «Орлеанской девы» и «Разбойников» в серии книжек, предназначенных для народа. Кроме того, Тараян к столетию со дня смерти Шиллера издал в Петербурге свою монографию «Поэт-идеалист Шиллер» — обширный, содержательный и с большой теплотой написанный труд о жизни и деятельности немецкого поэта. Эта книга была одной из самых любимых у нашей молодежи досоветского периода.

С большой торжественностью отмечались всегда годовщины рождения и смерти Шиллера — публиковались статьи в периодической печати, издавались книги исследований и переводы его произведений, ставились его пьесы, организовывались вечера и лекции. Отмечая эти юбилейные даты, деятели армянской литературы и культуры способствовали еще большей популяризации творчества Шиллера.

Годовщина столетия со дня смерти Шиллера нашла отклик и среди западных армян, хотя Шиллер у них меньше переводился, реже ставились на сцене его пьесы, да и популяризацией его творчества в Западной Армении вообще мало занимались — и то лишь от случая к случаю. Главной причиной этого сдержанного отношения к немецкому поэту была враждебная настороженность турецких властей и турецкой цензуры. В этой стране типично восточного деспотизма, где преследовались каждая светлая мысль, каждое смелое выражение, шиллеровские идеи не могли найти широкого резонанса.

Почти все драматические произведения Шиллера переведены на армянский язык. Лирические его произведения переводились сравнительно реже, за исключением его прославленных баллад — этих жемчужин мировой поэзии: они все, без исключения, переведены на армянский язык, причем большая их часть переводилась по несколько раз и несколько раз переиздавалась. Баллады эти пользовались такой широкой популярностью, что некоторые из них, в прозаическом пересказе и без упоминания имени автора, включались в школьные учебники в качестве оригинальных произведений.

В первое время (с начала 30-х годов и до начала 60-х) на армянский язык переводились преимущественно стихотворения и баллады Шиллера, носившие романтический характер, да еще некоторые драматические произведения, не характерные для Шиллера (как, например, «Турандот» и «Мессинская невеста»). Естественно, что по ним армянский читатель не мог ознакомиться с свободолюбивыми идеями Шиллера, которые стали известны ему лишь в последующие десятилетия—в 70—80-е гг.

Произведения Шиллера переводили на родной язык многие армянские писатели (начиная с Хачатура Абовяна и кончая прославленным поэтом советского времени Егише Чаренцем), в том числе Ст. Назарян, Ваан Аскарян, Керопэ и Рафаэл Патканяны, Гевонд Алишан, Фил. Варданян, Ов. Иоаннисиан, Ов. Туманян, Ваэ Минасян, Ширванзаде, Левон Манвелян, Ал. Цатурян, Максудян, Масеян и др. Но особенно велики заслуги на этом поприще Геворка Бархударяна. Он не жалел ни трудов, ни усилий для того, чтобы Шиллер прозвучал впечатляюще, чтоб мысли и идеи великого немецкого поэта стали достоянием армянского народа. Большую часть своей творческой жизни Бархударян посвятил именно переводам Шиллера, проявляя огромную настойчивость и преданность делу популяризации творений немецкого писателя-гуманиста.

Вполне заслуженно неутомимому труженнику было присвоено звание «переводчика Шиллера», а описание вечера, посвященного 150-летию со дня рождения поэта, так и начиналось словами: «Бессмертный переводчик гениального Шиллера...».

Переводы Бархударяна в основном датируются 70-ми, частично и 80-ми годами прошлого столетия: всего на протяжении 6—7 лет он перевел и опубликовал такие значительные произведения Шиллера, как «Вильгельм Телль», «Орлеанская дева», «Заговор Фиеско в Генуе», «Дон-Карлос», а впоследствии в 90-х годах и «Марию Стюарт».

Если же дополнить этот внушительный список такими прославленными пьесами, как «Коварство и любовь» и «Разбойники», переведенными на армянский язык за этот же промежуток времени другими поклонниками Шиллера и с большим успехом шедшими на армянской сцене, то станет вполне очевидной популярность Шиллера в армянской действительности.

Одновременное появление этих произведений Шиллера на армянском языке было очень знаменательно для того времени. Это был период, когда армянская общественная мысль поднялась на новую ступень, и свободолюбивые идеи находили богатую почву в самых широких слоях народа. Параллельно с общим прогрессом, переживала период подъема и армянская литература. Создавались произведения, проникнутые национально-освободительными идеями, литература становилась близка к жизни, откликалась на требования и запросы передовой общественности.

Пьесы великого немецкого писателя стали украшением репертуара армянского театра. Их ставили повсюду — и в Западной и, особенно, в Восточной Армении, в близких и далеких армянских колониях, в

городах и селах. Чаще всего, конечно, ставились «Разбойники», «Коварство и любовь» и «Орлеанская дева».

В шиллеровских пьесах играли самые прославленные артисты армянского театра — Чмшкян, Америкян, П. Адамян, Сирануйш, Абелян, Петросян, Сафразян, Манвелян, Арменян, Севумян, Зарифян, Папазян, Амо Харазян. После установления Советской власти в Армении — Арус Восканян, Р. Нерсисян, М. Джанан, Вагарш Вагаршян, Рузанна Варданян и др. Эти мастера армянской сцены придавали особое значение шиллеровскому театру, вписав немало ярких страниц в сценическую историю пьес великого драматурга.

Общественно-политическое значение творчества Шиллера, особенно же его драматических произведений, получило новое содержание и обогатилось новым смыслом в годы, последовавшие за установлением Советской власти в Армении. В частности, постановка пьесы «Разбойники» в этот период имела особенно большое значение и вызвала широкий интерес зрителей.

Пьесы Шиллера «Вильгельм Телль» и «Заговор Фиеско» увидели свет рампы армянской сцены лишь после установления Советской власти в стране.

В наши дни произведения Шиллера выходят большими тиражами; новые переводы дополняют богатый список произведений великого немецкого поэта и драматурга на армянском языке.

Уже сто тридцать лет творения Шиллера привлекают армянского читателя и армянского зрителя своими возвышенными идеями, своим гуманизмом и высоким художественным мастерством. Десятки поколений воспитывались на произведениях гениального немецкого писателя, учились у него любить свободу и ненавидеть насилие. Армянский народ высоко ценит литературное наследие Шиллера, которое оставило неизгладимый след в истории его культуры, театра и литературы.